

РОЗДІЛ 1

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГІЧНІ ПРОБЛЕМИ СОЦІОЛОГІЇ

УДК 316.344.8 : 316.334.56

ГОРОДСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ И ПОСТМОДЕРНЫЙ УРБАНИЗМ

Мусиездов Алексей Александрович – доктор социологических наук, доцент, профессор кафедры социологии Харьковского национального университета имени В. Н. Каразина

В статье анализируются концепции постмодерного урбанизма с точки зрения их применения для концептуализации и исследования городской идентичности. Акцентируется внимание на работах Д. Харви, Ф. Джеймсона, М. Девиса, Э. Соджи и др. Подчеркивается, что представители постмодерного урбанизма настаивают на том, что необходимо рассматривать город в контексте его включенности в глобальную экономику, принимать во внимание новый уровень развития информационных технологий. Поскольку существенную роль в его функционировании и развитии играет культурная составляющая, это позволяет интерпретировать город как одновременно реальный и воображаемый. Соответственно, городская идентичность является не только и не столько территориальной (пространственной), но, главным образом, культурной, являющейся объектом символической борьбы. Это, в свою очередь, требует пересмотра классического подхода к идентичности (как принадлежности к группе) и интерпретации ее в терминах принадлежности к «воображаемому сообществу».

Ключевые слова: город, городская идентичность, постмодерный урбанизм, лос-анджелесская школа.

У статті аналізуються концепції постмодерного урбанізму з точки зору їх застосування для концептуалізації та аналізу міської ідентичності. Акцентується увага на роботах Д. Харві, Ф. Джеймсона, М. Девіса, Е. Соджи та ін. Підкреслюється, що представники постмодерного урбанізму наполягають на тому, що необхідно розглядати місто в контексті його включеності до глобальної економіки, брати до уваги новий рівень розвитку інформаційних технологій. Оскільки істотну роль у його функціонуванні та розвитку відіграє культурна складова, це дозволяє інтерпретувати місто як одночасно реальне і уявне. Відповідно, міська ідентичність є не тільки і не стільки територіальною (просторовою), але, головним чином, культурною, яка є об'єктом символічної боротьби. Це, у свою чергу, вимагає перегляду класичного підходу до ідентичності (як приналежності до групи) і інтерпретації її в термінах приналежності до «уявленої спільноти».

Ключові слова: місто, міська ідентичність, постмодерний урбанізм, лос-анджелеська школа.

The article deals with the consideration of concepts of postmodern urbanism from the point of view of their application to the conceptualization and analysis of urban identity. Works of J. Harvey F. Jameson, M. Davis, E. Soja and others are analyzed. Concepts of postmodern urbanism insist that the city should be considered in the context of its inclusion in the global economy, taking into account the level of new information technologies development. Cultural component that allows us to interpret the city as both real and imagined plays an essential role in its functioning and development. Accordingly, urban identity is not territorial (spatial) only, but is mainly cultural, the object of a symbolic struggle. This situation requires a revision of the classical approach to identity (as a belonging to the group) and calls for its interpretation in terms of belonging to the «imagined community».

Keywords: city, urban identity, postmodern urbanism, Los-Angeles school.

Поиски оснований для солидарности все чаще актуализируют вопросы, связанные с городом, его восприятием, принадлежностью к нему и т.д. Городская идентичность, хотя и становится в последнее время одним из важных определений и самоопределений людей и сообществ, остается довольно слабо

разработанным понятием в социогуманитарном знании. Особенно это касается социологии, которая призвана объяснить этот феномен как социально обусловленное явление. Для этого необходимо отталкиваться от наработок различных теорий, которые могут внести свой вклад в концептуализацию и теоретическую разработку феномена городской идентичности. В наших предыдущих работах были предприняты попытки взглянуть на нее с позиций классических социологических теорий [1], опыта советской социологии [2], подхода М. Кастельса [3]. Цель данной статьи состоит в том, чтобы рассмотреть с данной точки зрения возможности постмодерного урбанизма – ряда теорий, опирающихся, главным образом, на идеи постмодернизма и неомарксизма, прежде всего – лос-анджелесской школы урбанистики¹.

В современной американской городской теории неомарксизм и постмодернизм оказались довольно тесно связаны друг с другом на основе общих принципов критики «модерного», а значит, и «капиталистического» взгляда на общество вообще и город, в частности. Одним из наиболее известных представителей неомарксистской городской теории является Дэвид Харви [4–7].

Д. Харви соглашается с идеей А. Лефевра о принципиальной роли урбанизации в развитии современного капитализма: «Капитализм вынужден урбанизировать, чтобы воссоздать себя» [8]. Согласно Д. Харви, именно городское пространство стало главным способом закрепления капитала. Однако пространство как абсолютное условие всего капиталистического производства и всего потребления должно постоянно расширяться. Соответственно, уже освоенное городское пространство становится барьером для капиталовложений и прибыли, что вызывает необходимость в его реорганизации, которая ориентируется лишь на краткосрочный эффект. Городское пространство оказывается местом вложения излишков капитала, а потому вынуждено постоянно перестраиваться для того, чтобы эти излишки поглотить. В результате доминируемые группы оказываются вытесненными из наиболее прибыльных и престижных зон. Это, в свою очередь, означает утверждение и воспроизводство границ между социальными группами и классами, что препятствует формированию общей идентичности.

Близкие идеи высказывает и известный социолог Х. Молоч в своей знаковой для городских исследований работе «Город как машина роста» [9] и ее продолжении (совместном с Дж. Логаном) «Городские судьбы. Политическая экономия места» [10]. Если в классических городских концепциях утверждалось, что город выступает ресурсом, за которые происходит соперничество между городскими группами, то Х. Молоч доказывает, что именно благодаря заинтересованным действиям горожан (в первую очередь экономических городских элит) городское пространство создается в качестве желаемого ресурса. Одним из главных оснований для этого выступает риторика «роста», «развития»: в то время как она провозглашает улучшение городской жизни, если не для всех, то для большинства, на практике соответствующая политика оказывается реализацией действий, направленных на повышение цены городской недвижимости (см. [11, с. 321–326; 12]).

На основании этих идей можно сделать вывод о том, что если и возможно говорить о городской идентичности, то ключевым агентом ее формирования выступают капиталистические отношения. Соответственно, городская идентичность становится инструментом легитимации капиталистического производства и потребления. Это касается как «благоустройства» жилых зон, направленного на стимулирующее потребление городского пространства («фетишизации пространства»), так и брендинга городов, который может способствовать формированию городской идентичности лишь в той степени, в которой это вписывается в логику глобальной конкуренции.

Если Д. Харви отталкивается от экономической составляющей урбанизации, то другой авторитетный представитель неомарксистской теории Фредерик Джеймисон в основу своего анализа кладет интерпретацию новой логики культуры. По мысли Ф. Джеймисона, нынешнее общество является «постсовременным» («постмодерным»). Постмодерность является новым этапом развития общества – третьим («поздним») этапом развития капитализма, обладающим своими, в первую очередь культурными, особенностями. Ф. Джеймисон пишет: «И марксисты, и не-марксисты разделяли общее ощущение того, что в некоторый момент после Второй мировой войны стал формироваться новый тип общества (поразному обозначаемый как постиндустриальное общество, транснациональный капитализм, общество потребления, медийное общество и так далее). Новые типы потребления; планируемая смена одних

¹ Под городской идентичностью мы будем понимать ощущение связи с городом. Являясь в конечном итоге психологическим проявлением (*ощущение*), городская идентичность обусловлена не только индивидуально-психологическим опытом, но целой системой соответствующих интерпретаций, связанных как с особенностями культуры, так и со спецификой общественных отношений, в которые включен индивид и группа в целом.

поколений вещей другими; постоянно убыстряющийся темп изменений стилистики моды и энвайронмента; проникновение рекламы, телевидения и медиа в самые глубокие слои социальности; нейтрализация прежнего напряжения в отношениях между городом и селом, между центром и провинцией через появление пригорода и процесс универсальной стандартизации; разрастание огромной сети хайвеев и приход автомобильной культуры – все это лишь отдельные черты, которые, как нам кажется, маркируют радикальный разрыв с прежним довоенным обществом, в котором высокий модернизм был еще некой андерграундной силой» [13].

Ф. Джеймисон выделяет следующие черты постсовременного общества [14]:

- отсутствие глубины, поверхностный взгляд на мир;
- ослабление эмоций;
- утрата историчности;
- преобладание воспроизводящих, а не производящих технологий.

Согласно Ф. Джеймисону, ключевым в понимании специфики постсовременного общества является фрагментация жизни. По его мнению, фрагментация приходит на смену отчуждению, описанному К. Марксом и многими его последователями. В постсовременном обществе социальная среда и сам человек как бы распадаются на части, лишаются качества целостности. Поскольку человек становится фрагментированным, его чувства также фрагментируются, не охватывают его личность целиком; постсовременный человек отказывается от попыток знать собственное прошлое, которое предстает для него лишь набором текстов о нем, бесконечно меняющих интерпретацию. Преобладание воспроизводящих, а не производящих технологий приводит к огромному разнообразию «культурной продукции» – образов, знаков, символов, в которых человек зачастую не в силах разобраться. Сказанное лишний раз подчеркивает, что преобладающей ролью, отводимой человеку в постсовременном обществе, является роль потребителя, в том числе и городской идентичности, для конструирования которой современный мир располагает теперь гораздо большими возможностями, чем раньше.

Статья Ф. Джеймисона «Постмодернизм или культурная логика позднего капитализма» была опубликована в 1984 году [15] и стала знаковой как для него самого в развитии темы постсовременного общества, так и для многих его коллег и последователей, среди которых, в первую очередь, стоит назвать Эдварда Соджу и лос-анджелесскую школу урбанистики в целом.

О лос-анджелесской школе урбанистики стали говорить, начиная со второй половины 1980-х годов, когда произошло минимум два значимых для нее события. Первым из них стал тематический выпуск «Пространство и общество» журнала «Окружающая среда и планирование», вышедший в 1986 году, и посвященный Лос-Анджелесу, а вторым – встреча исследователей на озере Эрроухэд в горах Сан-Бернардино в октябре 1987 году. Как написал о школе известный урбанист, историк и политический активист Майк Дэвис: «Я достаточно неосторожен, чтобы говорить о «Лос-Анджелесской школе». В строгом смысле слова, я включаю сюда примерно двадцать представителей новой волны марксистских географов, или, как выражается один мой друг, «политэкономов в скафандрах», хотя некоторые из нас – неортодоксальные городские социологи или (как я) неудавшийся городской историк. «Школа» базируется, конечно, в Лос-Анджелесе, в Калифорнийском университете и в университете Южной Калифорнии, но некоторые ее члены живут в Риверсайд, Сан-Бернардино, Санта-Барбаре и даже во Франкфурте» (цит. по: [11, с. 107]).

Исследователи, составившие школу, настаивали на «парадигматической роли» Лос-Анджелеса в понимании современных урбанистических процессов и абсолютно сознательно и целенаправленно противопоставляли себя чикагской социологической школе.

Роль Лос-Анджелеса как символа современного урбанизма обуславливается, по мысли теоретиков, тем, что, согласно классической парадигме, город рассматривался в качестве не только промышленного, но и политического и экономического центра некоторого региона, где территория региона – однозначно менее значима, чем город. В случае Лос-Анджелеса ситуация не такова: развитие города теснейшим образом связано с территорией Калифорнии – удачно расположенного географически богатейшего штата США. Именно здесь оказались сосредоточены связанные между собой лаборатории и производства высоких технологий, медиаиндустрия, университетская наука. Все это вкупе с мягким климатом и многонациональным населением штата породило то, что получило название особого калифорнийского стиля жизни, ставшего основой самоопределения его жителей – неформальность, открытость различным религиям и идеологиям, нацеленность на радости жизни, подкрепленная развитой культурной индустрией. Указанная специфика действительно во многом способствует тому, чтобы трактовать Лос-Анджелес в качестве своего рода эмблемы современной эпохи, причем не только в

исключительно положительном ключе как «колыбели» экологических движений и высоких технологий, но и как места впечатляющих городских беспорядков, межэтнических столкновений и пространственной сегрегации [11, с. 106–110].

Среди основных отличий лос-анджелесской и чикагской школ можно назвать следующие ([11, с. 111–115; 16]):

- Представители чикагской школы рассматривали город как моноцентрический, в то время как лос-анджелессцы подчеркивают полицентричность города.
- Первых интересует, в первую очередь, центр, а вторых – периферия.
- Чикагцы настаивали на объективности научного исследования, превосходящего опыт самих горожан, для лос-анджелессцев этот момент не является принципиальным.
- Лос-анджелесские теоретики базируются на идее о том, что социальное и политическое воображаемое все более становится материальной силой, воплощаясь в городских проектах, в то время как чикагцы ограничивались изучением социального как материального и измеримого.
- Чикагцев в связи с их «экологическим видением» городских процессов как «естественных» мало интересовали действия власти, у лос-анджелессцев они часто становятся центром анализа.
- В чикагской традиции «насыщенные описания» достаточно редко проникают в социологический текст, у лос-анджелесских теоретиков довольно часто можно встретить и журналистский репортаж, и анализ художественной литературы, и экскурсии в основы урбанистики, и политическую полемику и т.д.
- Индустриальный город в центре внимания чикагской школы в отличие от акцента на процессах деиндустриализации и реиндустриализации, на развитии индустрии развлечений и т.п. в исследованиях представителей Лос-Анджелеса.
- Линейная эволюция как схема видения развития города у чикагцев против нелинейности в интерпретации этого процесса лос-анджелессцами.

Подводя итог выделенным различиям, Майкл Дир и Стивен Фласти позиционируют чикагцев как школу, воплотившую установки модерности, а лос-анджелесскую школу – как постмодернистскую [17–20]. Преобладающие взгляды лос-анджелесской школы можно рассмотреть на примере идей Майкла Дэвиса и Эдварда Соджи.

В своих работах (см., например: [21]) Майкл Дэвис соединяет два взаимосвязанных момента. С одной стороны, он показывает, как в развитии Лос-Анджелеса реализовывались интересы различных городских элит (и как это сказывалось на получении бюджетных средств, перестройке городского пространства, джентрификации, вытеснении бедных из коммерчески прибыльных районов, формировании новых маргинальных зон города и т.д.). С другой стороны, его анализ выступает средством деконструкции мифа о Лос-Анджелесе как о лаборатории будущего – представления, позволяющего городским элитам упрочивать свою власть и получать экономические и символические выгоды. О своей книге «Город кварца» М. Дэвис пишет: «Для понимания Лос-Анджелеса не было всеобъемлющей рамки, поскольку истории города пишутся, как правило, односторонне: с акцентом на экономике, политике или архитектуре. Моя книга была попыткой более целостной и более радикальной критики места. Я рассмотрел, как образ города – земли вечного лета и бесконечных возможностей – стал ключевым в его продаже и покупке» (цит. по: [11, с. 115]).

Не менее значимым, чем М. Дэвис, теоретиком лос-анджелесской школы является Эдвард Соджа [22–25]. Исходным пунктом рассуждений Э. Соджи является пространство, достаточно взглянуть на название одной из ключевых его публикаций – «Как писать о городе с точки зрения пространства» [26]. Основная его мысль состоит в том, что пространство играет принципиально важную роль не только в социальных процессах вообще, но в городских процессах, в частности. Он утверждает, что древнегреческая идея синойкизма была недооцененной современными социальными и городскими теоретиками. Синойкизм означает совместное расположение различных людей и вещей на одной территории, что имеет следствием формирование новых качеств за счет экономии времени и сил: «...синойкизм означает творчество, новшества, территориальную идентичность, политическое сознание и социальное развитие, которое возникает из совместной жизни в более плотных и гетерогенных городских областях. И в этом смысле я определяю синойкизм как *стимулирующее воздействие городской агломерации* и напрямую связываю его с тем, что можно назвать *пространственным своеобразием урбанизма* – реальными и воображаемыми, материальными и символическими географиями или

пространственными измерениями городской жизни» [26, с. 131–132]. Среди прочего, Э. Соджа приводит в качестве примера вывод Ф. Энгельса о том, что именно тесная агломерация рабочих в таких городах, как Манчестер, способствовала зарождению классового сознания и классовой борьбы.

Представления Э. Соджи во многом развивают идею Ф. Джеймисона о постсовременности как продукте развития «позднего» капитализма. Современный этап развития общества и урбанизации является постсовременным в смысле отхода от фордистской экономики, для которой, в частности, было характерно более или менее однозначное разделение городского пространства, однако рассматривать его как постиндустриальный (имея в виду уменьшение значения пространства) преждевременно. Э. Соджа пишет: «Новая городская форма еще больше размыла простой дуализм современного метрополиса – разделение между плотным, гетерогенным и крайне синойкичным центром города и сонным, гомогенным миром пригородов. На его месте возник более многоцентричный, глобализованный и информационный город-регион, породивший множество новых терминов для описания его основных особенностей: внешний город, окраинный город, постпригороды, технопригороды, кремниевые ландшафты, технопарки, метроплекс, экзополис. Подобно тому, как в этой урбанизации пригородов произошло полное выворачивание наизнанку современного метрополиса, во многих случаях также имело место возвращение в центры городов, особенно в результате массовой миграции людей из того, что мы обычно называем «третьим миром». Это парадоксальное превращение центра в периферию привело к появлению самых гетерогенных в культурном отношении городов в истории и в то же время способствовало усилению социальной поляризации и возрастанию неравенства в богатстве и власти, основанного на классовой, расовой, этнической и национальной принадлежности. И растущий разрыв между богатыми и бедными стал, возможно, наиболее важной чертой этого нынешнего этапа городской реструктуризации» [26, с. 139].

В своих рассуждениях Э. Соджа не только указывает на пространственную реструктуризацию современных городов, но и обсуждает проблему городского воображаемого как проявление слияния реальности и воображения во вновь возникающей гиперреальности [27]. Город в этом смысле оказывается не только материальной фактичностью, но ее сплетением с представлениями о ней. С точки зрения анализа темы городской идентичности это означает, что человек выстраивает ее не только в процессе «вписывания» себя в физическое городское пространство, но и в соотношении с воображаемыми пространствами, обеспечивающими язык и образы, необходимые для того, чтобы «передать другим и увидеть самих себя». Э. Соджа пишет: «Города и другие пространства социальной жизни всегда имели власть абсорбировать и репрезентировать сознание и идентичность. Отличие сегодняшних дней – в эпидемическом масштабе и возможностях этих симулятивных пространств и в их заразной мощи принимать очертания субстанции и значения нашего современного жизненного мира, мировоззрения и жизненного пространства» [27, с. 141].

Однако сказанное не означает преодоления пространства и полной замены «города механизмов» модерна «информационным кибергородом» постмодерна – того, что называется некоторыми теоретиками «концом географии». Э. Соджа призывает к критическому анализу «реальных-и-воображаемых» городов (ссылаясь, помимо прочего, на «Город кварца» М. Дэвиса и постколониальную теорию): «Локализация и неравномерности развития, обусловленные географией, продолжают обеспечивать существенные различия. Даже «войдя в Сеть» или «погрузившись в Веб», мы находимся в постоянной связи с городом (бесспорно, реструктурированным), или пространством, знанием и властью» [27, с. 147].

Подвести итоги интерпретациям города в концепциях постмодерного урбанизма имеет смысл на основании обобщающих работ представителей лос-анджелесской школы Майкла Дира и Стивена Фласти, посвященных «постсовременному урбанизму» (в частности: [17]), а также основателя «новой городской социологии» Марка Готтдинера [28]. Мы остановимся лишь на наиболее принципиальных моментах, не затрагивая менее важных деталей.

Ключевым для рассмотрения современного города является его включенность в глобальную экономику. Это означает, что происходящее с городом и в городе нельзя рассматривать вне более широких контекстов – участия в мировом производстве и потреблении, роли в мировых финансовых, миграционных, информационных и т.д. потоках, конкуренции с другими городами и т.д.

Важнейшим следствием экономической глобализации города является его социальная поляризация («дуальность»), основанная на различной степени вовлеченности городских групп в перспективные и динамично развивающиеся сектора глобальной экономики (в первую очередь связанные с технологиями) [29].

Прогресс в области информационных и коммуникационных технологий радикально увеличивает значение культурной составляющей в жизни города – в производстве и потреблении значений города и его элементов, городского пространства, горожан, локальных сообществ и т.д. Принципиально важной является информационно-технологическая составляющая жизни современного города («*cybercity*»). М. Дир и С. Фласти пишут: «Никто не может игнорировать вызовы информационного века, который обещает свергнуть многие наши привычные представления о социопространственном структурировании» [17, р. 67]. На наш взгляд, именно роль информационных и коммуникативных технологий является определяющей в специфике идентичности жителей постсовременного города по сравнению с ситуацией, описываемой классиками городской социологии.

С одной стороны, технологии являются причиной существенных препятствий для формирования городской идентичности. Они не способствуют большей коммуникации представителей разных городских сообществ друг с другом, а за счет возможностей избирательного общения провоцируют их фрагментацию и изоляцию, что порождает взаимные страхи, выстраивание границ, уменьшение количества и снижению значимости публичных городских пространств и т.д. На этом фоне происходит углубление разрыва между включенными в глобальную экономику в качестве ее ключевых агентов производства и потребления «элитами», с одной стороны, и «массами», занятыми преимущественно обслуживающими функциями, с другой. Первые утрачивают связь с «местом», становясь во многом «космополитичными» и «экстерриториальными», вторые, не имея соответствующих образовательных, экономических, культурных, технологических и т.д. возможностей, вынуждены оставаться «локальными» и пытаются выстраивать собственную идентичность посредством смыслов, связанных с местом [30; 31]. С другой стороны, развитие технологий не только провоцирует производство различий между группами внутри города, но и создает возможности для выстраивания новых образов коллективности, общего «городского стиля», конструирования как сугубо локальной, так и космополитичной городской идентичности, создания городской мифологии, образов, бренда города как выражения не только межгородских отличий, но и внутригородского единства и т.д.

Указанная специфика постмодерного города и городской идентичности приводит к необходимости переосмысления подхода к формулировке последней. Так, отталкиваясь от интерпретации города как одновременно реального и воображаемого (Э. Соджа), можно говорить о том, что производство городской идентичности, очевидно, находится в плоскости культурного производства и потребления, осуществляемого современными информационно-технологическими средствами. Другими словами, городская идентичность является не только и не столько территориальной (пространственной), но, главным образом, культурной, являющейся объектом символической борьбы, что, в свою очередь, требует пересмотра классического подхода к идентичности (как принадлежности к группе) и интерпретации ее в терминах принадлежности к «воображаемому сообществу».

Литература:

1. Мусиездов А. Проблематика городской идентичности в социологической классике / Мусиездов Алексей Александрович // Вісник Харківського національного університету імені В.Н. Каразіна «Соціологічні дослідження сучасного суспільства: методологія, теорія, методи». – 2013. - № 1045. – С. 30 – 36.
2. Мусиездов О. Місто та міський спосіб життя: радянська соціологія як втілення веберівського підходу до аналізу міської ідентичності / Мусієздов Олексій Олександрович // Вісник Харківського національного університету імені В. Н Каразіна «Соціологічні дослідження сучасного суспільства: методологія, теорія, методи». – 2015. – № 1148. – С. 15–20.
3. Мусиездов А. Мануэль Кастельс и проблематика городской идентичности / А Мусиездов // Социология. Научно-теоретический журнал. – 2013. – № 3. – С. 109–116.
4. Harvey D. Social Justice and City / D. Harvey. – Baltimore: The Johns Hopkins Press, 1973.
5. Harvey D. The Condition of Postmodernity: An Enquiry into the Origins of Cultural Change / D. Harvey. – Oxford: Blackwell, 1989.
6. Harvey D. The Limits to Capital / D. Harvey. – Oxford: Blackwell, 1982.
7. Harvey D. Consciousness and the Urban Experience / D. Harvey. – Baltimore: The Johns Hopkins University Press, 1985.
8. Харви Д. Городской опыт [Электронный ресурс] / Д. Харви; пер. с англ. В. В. Вагина // Портал «Социологические прогулки». – Режим доступа: <http://www.urban-club.ru/?p=105>
9. Moloch H. The City as a Growth Machine: Toward a Political Economy of Place / H. Moloch // The American Journal of Sociology. – Vol. 82. – No. 2 (Sep., 1976). – Pp. 309–332.

10. Logan J. *Urban Fortunes: The Political Economy of Place* / J. Logan, H. Moloch. – Berkeley and Los Angeles: University of California Press. 1987.
11. Трубина Е. Город в теории: опыты осмысления пространства. / Е. Трубина. – М.: Новое литературное обозрение, 2010. – 520 с.
12. Логан Д. Город, как механизм (машина) развития [Электронный ресурс] / Д. Логан, Х. Молоч ; [пер. с англ. В. В. Вагина] // Портал «Социологические прогулки». – Режим доступа: <http://www.urban-club.ru/?p=98>
13. Джеймисон Ф. Постмодернизм и общество потребления [Электронный ресурс] / Ф. Джеймисон ; пер. с англ. // Логос. – 2000. – #4 (25). – С. 63-77. – Режим доступа: http://www.ruthenia.ru/logos/number/2000_4/10.htm
14. Матецкая А. В. Культурные черты постсовременной эпохи: З. Бауман, Ф. Джеймисон, Ф. Лиотар, Ж. Бодрийар / А. В. Матецкая // Матецкая А. В. Социология культуры. – Режим доступа: <http://yourlib.net/content/view/350/16/>
15. Jameson F. *Postmodernism, or, The Cultural Logic of Late Capitalism* / F. Jameson // *New Left Review* I/146, July-August 1984. – Pp. 59-92.
16. Kharlamov N. *Theoretical Collision in Urban Sociology* [Электронный ресурс] / N. Kharlamov // Центр независимых социологических исследований. – Режим доступа: http://www.cisr.ru/files/news/Kharlamov_2008_Theoretical_Collision_in_Urban_Sociology.doc
17. Dear M. *Postmodern Urbanism* / M. Dear, S. Flusty // *Annals of the Association of American Geographers*. – 1998. – № 88(1). – Pp. 50-72.
18. Dear M. *The Postmodern Urban Condition* / M. Dear, S. Flusty // *Spaces of Culture: City, Nation, World* / Ed. M. Featherstone, S. Lash. – London: Sage Publications, 1999. – Pp. 64-85.
19. Dear M. *The Postmodern Urban Condition* / M. Dear. – Oxford, Blackwell Publishers, 2000.
20. Dear M. *From Chicago to L.A.: Making Sense of Urban Theory* / M. Dear, J. Dishman – Thousand Oaks, CA. : SAGE, 2001.
21. Davis M. *City of Quartz: Excavating the Future in Los Angeles* / M. Davis. – L.: Macmillan, 1992.
22. Soja E.W. *Postmodern Geographies: the Reassertion of Space in Critical Social Theory* / E.W. Soja. – L.: Verso, 1989.
23. Soja E.W. *Thirdspace: Journeys to Los Angeles and Other Real-and-Imagined Places* / E.W. Soja. – Oxford: Blackwell, 1996.
24. Soja E.W. *Postmetropolis. Critical Studies of Cities and Regions* / E.W. Soja. – Oxford: Blackwell, 2000.
25. Soja E.W. *Writing the City Spatially* / E.W. Soja // *City*. 2003. – Vol. 7. – № 3. – Pp. 269-280.
26. Со́я Э. Как писать о городе с точки зрения пространства / Э. Со́я ; Пер. с англ. А. Смирнова // *Логос*. – 2008. – №3. – С. 130-140.
27. Со́я Э. Постметрополис. Критические исследования городов и регионов / Э. Со́я ; пер. с англ. А. Резниченко // *Логос*. – 2003. – №6 (40). – С. 133-150.
28. Gottdiener M. *The New Urban Sociology* / M. Gottdiener, R. Hutchison. – Westview Press, 2010.
29. *Dual City: Restructuring New York* / J.H. Mollenkopf, M. Castells (Eds.). – N.Y.: Russell Sage Foundation, 1991.
30. Кастельс М. Реконструкция социального смысла в пространстве потоков [Электронный ресурс] / М. Кастельс ; [пер.с англ. В.В. Вагина] // Портал «Социологические прогулки». – Режим доступа: <http://www.urban-club.ru/?p=100>
31. Бауман З. Город страхов, город надежд / З. Бауман ; пер. с англ. А. Смирнова // *Логос*. – 2008. – №3 (66). – С. 24-53.